

ГОМИЛЕТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ П.А. ФЛОРЕНСКОГО: ШТРИХ К ПОРТРЕТУ

В последнее время творческий гений Павла Александровича Флоренского (1882-1937) признан как в научном мире, так и в широких кругах культурной общественности¹. Между тем, в творческом наследии Флоренского имеются еще недостаточно раскрытые страницы. Одной из таких страниц является проповедническое наследие отца Павла, или гомилетика². Специфика гомилетики как жанра – в разностороннем освещении жизни человека и общества. Она способна откликаться на масштабные исторические события – и в то же время раскрывать значение повседневных обычаев и норм поведения, а также осознание проповедником мира как социума и космоса, осмысление исторической судьбы народов и государств. И проповеди Флоренского, связанные с историческими событиями, происхо-

¹ Укажем только работы, более или менее близко примыкающие к нашей теме: *Гулыга А. В.* Истоки духовности// Литературная учеба. 1988. Кн. 2. С. 144-147; он же. На границе поэзии и науки (Флоренский)// Его же. Русская идея и ее творцы. М., 1995. С. 252-266; *Лосев А. Ф.* Вспоминания Флоренского...//Литературная учеба. 1988. Кн. 2. С. 176-179; *Лосев А. Ф., Флоренский П. В.* Об отце Павле Флоренском// Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. М., 1991. С. 455-460; *Трубачев С.* Музыкальный мир П. А. Флоренского// Советская музыка. 1988. №9. С. 99-103; *Фудель С. И.* Об о. Павле Флоренском. Paris: YMCA-Press, 1988. 2-е изд.; *Зеньковский В. В.*, прот. История русской философии. Paris: YMCA-Press, 1989. Т. 2. С. 415-430; *Палиевский П. В.* Розанов и Флоренский// Литературная учеба. 1989. Кн. 1. С. 111-115; *Бычков В.В.* Эстетический лик бытия. (Умозрения Павла Флоренского). М., 1990; *Кравец С. Л.* О красоте духовной. (П. А. Флоренский: религиозно-нравственные воззрения). М., 1990; *Хоружий С. С.* О философии священника Павла Флоренского// Флоренский П. А. Сочинения. М., 1990. Т. 1. Ч. 1. Столп и утверждение Истины. С. VI-XVI; *Хоружий С. С.* Обретение конкретности// Там же. М., 1990. Т. 2. С. 3-12; он же. Философский символизм Флоренского и его жизненные истоки// Его же. После прерыва. Пути русской философии. СПб., 1994. С. 100-130; *Бердяев Н. А.* Стилизованное православие (о Павле Флоренский)// Н. А. Бердяев о русской философии. Свердловск, 1991. Т. 2. Ч. 2. С. 149-166; *Левин И. Д.* <Я видел П. Флоренского один раз...>// ВФ. 1991. №5. С. 60-65; *Флоровский Г. В.*, прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 278, 493-498; *Анороник (Трубачев)*, игумен. Предисловие// Священник Павел Флоренский. Детям моим. М., 1992. С. 7-22; он же. Жизнь и судьба// Священник Павел Флоренский. Сочинения: В 4 т. М., 1994. Т. 1. С. 3-36; *Булгаков С. Н.* Священник о. Павел Флоренский// Его же. Сочинения: В 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 538-547; *Лосский Н. О.* История русской философии. М., 1994. С. 190-206; *Трубецкой Е. Н.* Смысл жизни. М., 1994. С. 162-172; *Холстинин Р. Н.* Символизм священника Павла Флоренского// Очерки русской философии XVIII – XX вв. Екатеринбург, 1994. С. 110-128; *Мень Александр.* Павел Александрович Флоренский// Его же. Мировая духовная культура. Христианство. Церковь. Лекции и беседы. М., 1995. С. 533-550; П. А. Флоренский и культура его времени. Marburg, 1995; *Ильин В. Н.* Отец Павел Флоренский. Замолчанное великое чудо науки XX века// *Владимир Ильин.* Эссе о русской культуре. СПб., 1997. С. 362-383. – Хотелось бы выразить глубокую благодарность за помощь в предоставлении материалов А. В. Парину (Москва) и д-ру теологии, отцу Людвигу Венцлеру (Фрайбург, Германия).

² В качестве источников для статьи привлекаются четыре проповеди Флоренского, напечатанные С. Л. Кравцом (*Кравец С. Л.* О красоте духовной. – Приложение. С. 48-61), а также отрывки из «Слова о Херувимской песни» и гомилии «Начальник жизни», приведенные С. И. Фуделем (*Фудель С. И.* Об о. Павле Флоренском. С. 50, 130.).

дившими в России в начале XX в., вместе с тем вскрывают глубинные пласты его мирозерцания и добавляют существенные штрихи к портрету великого мыслителя – философа, богослова и ученого, раскрывая как новизну, так и глубокую традиционность его мыслей и образов, вызванных к жизни предшествующим развитием христианской проповеди и риторики. Целью нашей статьи и будет вскрыть эту *двуединую* природу творчества Флоренского как одного из наиболее выдающихся проповедников своей эпохи и в то же время – как одно из звеньев церковной традиции, органически связывающее русскую культуру Нового времени с духовным наследием Византии, что обнаруживается при сравнении проповедей Флоренского с гомилиями Иоанна Златоуста и Григория Паламы. Становятся заметными также и общехристианские истоки некоторых образов и интуиций Флоренского. Тем самым последующий анализ позволит глубже понять феномен Флоренского в его включенности в общий ход развития европейской цивилизации, начиная с «византийского тысячелетия» (Г.Г.Бек), и точнее уяснить своеобразие его мировоззрения, с небывалой силой выразившееся именно в проповеди.

В чем же новизна мировидения Флоренского? В том (и именно в его гомилетике это сказалось с особой силой), что ему удалось прочувствовать и выразить такие стороны христианского опыта, которые не дано было раскрыть его современникам. Столь остро и образно-наглядно, в доводящем почти до пластической осязаемости провозвещаемого порыве мистического исступления (того экстаза, о котором – вслед за Ницше и Вячеславом Ивановым – ему приходилось говорить, но пережить который, похоже, дано было ему одному), столь пронзительно показать всемирно-исторический вопль, трагедию христианства и Самого Христа, что это делает проповедь Флоренского «Вопль крови»³ выражением одного из наиболее сильных порывов духа своего склонного к трагичности и надлому века, – шедевром, заставляющим вспомнить и риторически взвинченный порыв Златоуста⁴, и поражающие пластически-живописной переда-

³ Вопль крови. Слово в неделю крестопоклонную// *Кравец С. Л.* О красоте духовной. С. 48-54. См.: *Андроник, игумен.* Жизнь и судьба... С. 10.

⁴ Особенно поражающий (при общей свойственности стилю св. Иоанна подобной экзальтации) в начале знаменитой проповеди на День усекновения главы Иоанна Предтечи: «Вновь бушует и неистовствует Иродиада, вновь танцует она и требует на блюде голову Иоанна...» (Прозрачный намек на автора проповеди легко угадывался слушателями.) (Цит. по: *Altaner B., Stuiber A.* Patrologie. Leben, Schriften und Lehre der Kirchenvater. Freiburg – Basel – Wien, 1958. S. 289.) Основная литература о Златоусте (из необозримого в целом потока): *Brandl R.* Synergismus als Phänomen der Frömmigkeitsgeschichte, dargestellt an den Predigten des Johannes Chrysostomus// *Gnadenwahl und Entscheidungsfreiheit in der Theologie der Alten Kirche.* Erlangen, 1980. S. 69-89; *Quasten J.* Initiation aux Peres de l'Eglise. P., 1962. V. 3; *Runciman S.* Byzantine Civilization. L., 1959. P. 242; *Флоровский Г. В.* Восточные Отцы IY века. М., 1992; *Аверинцев С. С.* Литература// *История Византии.* М., 1967. Т. 1; *Курбатов Г. Л.* Риторика// *Культура Византии.* М., 1984. Т. 1(здесь же дальнейшая библиография).

чей духовно-онтологической коллизии Распятия католических соборов... Одним из венцов последних (по мнению столь авторитетного исследователя, как Отто Бенеш⁵) стал знаменитый Изенгеймский алтарь Матиаса Грюневальда (между 1490 – 1516 (14)), основанный на изобразительной передаче видений св. Бригитты Шведской и находящийся в настоящее время в музее Унтерлинден в г. Кольмар, Франция.

«Грубыми руками злые люди схватили Тебя, бичевали, давали пощечины, били палкою, насыщая свое зверство. Пьяная полиция Иерусалима издевалась над Тобою, наглая челядь духовных и светских начальников пересмеивала Твои слова, тысячи злорадных глаз с безучастным любопытством впивались в Твои муки. На Тебя плевали, Тебя царапали... – ругались все, начиная от Архиепископа, кесарева ставленника, и кончая последним рабом; даже он, пощечиной Страдальцу, спешит выслужиться в хамском усердии перед своим владыкой. На конец всего, руками, знающими убийство да развратные объятья, солдаты-полицейские, солдаты-палачи сорвали с безгрешных членов Твоих одежды, приставшие от крови.

Страшно было смотреть на истерзанное тело Твое с обнаружившимися мускулами и жилами. В ссадинах, кровоподтеках и синяках, с засохшею кровью обнажено было оно пред тысячами озверелых людей, еще вчера ревавших на весь город: «распни, распни Его!» В ушах стоял еще крик и гиканье кровавадной толпы, возбужденной патриотами-архиепископами и патриотами-священниками. И теперь, когда в руки и ноги Тебе вбиты были грубые гвозди, когда с ударами молота зловеще облака, как бы в ужасе, закрыли небо, ревнители отечества делались всё безумнее в своем надругательстве. В невыразимой жажде, с раздражающим криком испустил Ты дух, покинутый грешными людьми и оставленный за грех их праведным Богом. Как черный занавес внезапный мрак скрыл от людских взоров последнюю картину самой тяжелой и самой очистительной из трагедий»⁶.

Поразительные слова, поистине «глас вопиющего в пустыне» (*phone boontos en te eremo*) (Ин. 1.23) – тем более поразительные, что возвещены они были 12 марта 1906 г. еще молодым 24-летним человеком и явились полной неожиданностью для окружения Флоренского. Да, этот юноша в глазах тех, кто его знал (а много ли таких? – Н.Н. Лузин, В.Ф. Эрн, С.С. Троицкий...), да и в более широких слоях общественности, не равнодушных к церковной жизни, оказался мудрее многих высокопоставленных лиц, соединившись в их представлении с особой харизмой пророка и тайновидца. Но слова эти – мистический сгусток, выстрел, взлет, разрыв всех риторических и

⁵ Бенеш О. Искусство Северного Возрождения. Его связь с современными духовными и интеллектуальными движениями. М., 1973. С. 77-80 и далее; ср.: *Beguerie P. Museum Unterlinden, Colmar. Der Isenheimer Altar. Strasbourg, 1991.* Здесь же качественные иллюстрации (искаженные до неузнаваемости в приложении к книге Бенеша).

⁶ Датировка по последнему изданию: *Beguerie P. Der Isenheimer Altar. S. 28.*

эстетических условностей, сопоставимый с крушением кометы (привычных в интеллигентской среде взглядов о церковной косности и т.п.) – произведя панику (за эту проповедь Флоренский был на неделю арестован), не были лишь случайным эмоциональным всплеском для самого Флоренского. В его студенческой работе «Понятие Церкви в Священном Писании» есть такие слова: «Страдания Христа – страдания Церкви, и наоборот, страдания Церкви и членов ее суть страдания Христа»⁷. Вот это сращение с Церковью, мистическое проникновение в плоть и кровь церковного организма и есть краеугольный камень подхода Флоренского, внешнему взгляду малопонятного, да и недоступного.

Поясним, о чем идет речь. Ошеломляющая проповедь Флоренского имела своей предысторией разгром Севастопольского восстания военных моряков, 14 (27) ноября 1905 г. поднявших красный флаг на крейсере «Очаков». Это было не первое восстание матросов-черноморцев: так, 15 июня 1905 г. поднялся на протест экипаж броненосца «Князь Потемкин-Таврический», в конечном счете сдавшегося Румынии. Вызванное скорее социально-психологическими и моральными, нежели экономическими причинами, по мнению Н. Верта⁸, восстание было подавлено из-за отсутствия союза моряков с бастовавшими рабочими Одессы. Восставшие же на «Очакове» под руководством лейтенанта П. П. Шмидта смогли создать Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов – именно рабочие вызволили Шмидта из тюремного заключения еще 3 (16) ноября 1905 г.⁹ Вот это-то впечатление сплоченного и скоординированного народного движения, подвергнувшегося кровопролитному расстрелу по приговору суда 7 – 18 февраля (20 февраля – 6 марта) 1906 г., и могло, по-видимому, наиболее больным образом отразиться, заострившись, в чутком к народным бедствиям сознании молодого Флоренского.

Здесь уместно вспомнить Бориса Пастернака и его поэму «Лейтенант Шмидт», поражающую родственным восприятием трагических событий 1906 г. Так, у Пастернака стоящий уже на эшафоте Шмидт говорит:

«Напрасно в годы хаоса

Искать конца благого.

Одним карать и каяться,

Другим – кончать Голгофой.

.....

Наверно, вы не дрогнете,

Сметая человека.

Что ж, мученики догмата,

Вы тоже – жертвы века...»¹⁰

⁷ Вольф крови... С. 49.

⁸ Понятие Церкви в Священном Писании... С. 350.

⁹ Верт П. История Советского государства. 1900-1991. М., 1992. С. 36.

¹⁰ Верт Н. История... С. 40-41; Самолис Г. В. Шмидт// БСЭ. М., 1978. Т. 29. С. 444. – 3-е изд. Вместо сухой и тенденциозной литературы по Шмидту, которой, кстати, вовсе немного, см.

Но всё же параллели, аналогии и т.п. бессильны передать исходный колорит. Обратимся же к бушующей музыке переживаний самого Флоренского – вернее, к ее девятому валу, в своем надрывном экстазе сметающему все ограниченности, условности, ханжество и всю пыль человеческих привычек. Здесь есть всё, в этом апофеозе душераздирающего страдания — и крик, и мука, и боль исступления... Схватывающая горизонт панорама – и пристальная сосредоточенность на центральном Образе... Боль причастия к крестной катастрофе – и внезапная смена точек зрения, позволяющая разглядеть видимую причину трагедии... Всё захлестывающий экстаз – и четкость осмысления совершающейся на наших глазах мистерии Голгофы... Да, мы видим эту мистерию вновь, невооруженным глазом, поскольку эти копыя, гвозди, эти потоки крови и капли пота, проступившие на лбу у Спасителя – весь изобразительный ряд, каждый дюйм словесного полотна, каждый нерв, каждая черточка и каждый штрих выписаны у Флоренского с той иконографической тщательностью, с той верностью канону Церкви и преданности этому канону (предвосхищая позднейшую идею о. Павла о храмовом синтезе искусств), которая только и может, по собственным позднейшим взглядам автора, обеспечить подлинность свидетельства¹¹...

А вот и фрагменты из «Откровений о жизни и страстях Иисуса Христа и Его Матери Пресвятой Девы Марии» св. Бригитты Шведской: «Корона из терний вдавилась в Его голову; она закрыла лобину лба. Кровь стекала многими ручейками... Потом разлился смертный цвет... Когда Он испустил дух, уста раскрылись, так что зрители могли видеть язык, зубы и кровь на устах. Глаза закатились. Колени изогнулись в одну сторону; ступни ног извилились вокруг гвоздей... Судорожно искривленные пальцы и руки были простерты»¹². И в соответствии с этим выписан Христос на Изенгеймском алтаре: в терновом венце, с напрягшимися в последнем усилии мускулами рук и торса, с откинувшейся набок головой и изошедшим из рта последним вздохом, с хлещущей из прободенного ребра струей крови и кроваво-красными волосами на голове, с телом, покрытым бесчисленными кровавыми ранами и исколотым шипами¹³.

позму Б. Л. Пастернака: *Пастернак Б. Л. Лейтенант Шмидт*// Сочинения: В 2 т. Тула. 1994. Т. 2. Переживания Пастернака и тон, которым они выражены в поэме, во многом сродни Флоренскому: у поэта всё держится на нервах, взволнованности, тревоге, апогее неожиданности и разящих серовато-темных и красных тонов...

¹¹ *Пастернак Б. Л. Лейтенант Шмидт*... С. 58-59.

¹² См.: Иконостах// Сочинения. М., 1996. Т. 2. С. 448-452, 454-456 и др. Ср. работы В. В. Бычкова, например: *Бычков В. В. Умозрения Павла Флоренского – венец православной эстетики*// П. А. Флоренский и культура его времени. С. 381-397.

¹³ Цит. по: *Бенеш О. Искусство Северного Возрождения*. С. 79-80. Тонкий анализ общей атмосферы подобных видений см.: *Карсавин Л. П. Мистика в религиозности средневековья*// Его же. Малые сочинения. СПб., 1994.

Всё это – не просто напоминание о бывшем когда-то, но образ трагедии, победившей мир и потому актуальной всегда – до конца этого мира, образ, с небывалой силой создающий ощущение полной реальности и современности зрителю изображаемого, – воистину, *являющий* эту реальность (как сказал бы сам отец Павел Флоренский). Изобразительность здесь не является самоцелью, но выполняет функцию свидетельства о подлинности мистерии Голгофы – и этим роднит сурового германского мастера рубежа XV – XVI вв. с русским проповедником и выдающимся церковным мыслителем века XX. Если учесть апокалиптическую настроенность породивших рассматриваемые шедевры эпох, станет ясна близость породившего их мистического опыта – хотя и на разных полюсах христианской ойкумены.

Не менее колоссален и эффект от прочтения проповеди отца Павла. Прочие ее положения согласуются с Писанием, патристикой и литургикой. Главный вывод Флоренского: "«Своею казнью Христос казнил всякую казнь»¹⁴ – напрямую опирается на пасхальный тропарь: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ...»¹⁵. Флоренский добавляет: «Вечным укором совести должен был бы вставать истерзанный Лик Спасителя при одной мысли о возможности убийства и насилия»¹⁶. А это с известной долей вероятности возвращает нас вновь к Вл. Соловьеву, к заключительной части его книги «Духовные основы жизни» – «Образ Христа как проверка совести»¹⁷. Как бы то ни было, в дальнейшем, полнее раскрыв собственное мировоззрение, Флоренский уже не любил прибегать к моральным аргументам, и в этом смысле проповедь «Вопль крови» несет на себе отпечатки первого периода его творчества.

Хотя в гомилетике Флоренского развиты по преимуществу трагико-патетические мотивы, тем не менее, моменты высшей просветленной радости также открывались ему... В один из таких моментов о. Павел произнес «Слово на освящение храма»¹⁸. Главная идея этой проповеди (в соответствии со словами Апостола (1 Кор. 3. 16-17)) – прославление достоинства человеческой личности. Каждый верующий является храмом Божиим благодаря тому, что сотворен он Богом по Его образу и подобию. В этот образ Божий входят и душа, и тело. «А этот каменный храм, – заключает Флоренский, – является только подобием того живого храма – человека»¹⁹. В этих словах пересекается ряд тончайших нитей православного понимания жизни. Во-первых, утверждение духовного величия и царственного положения человека в космосе, свойственное всей греческой патристике. Приведем лишь яркое высказывание св. Иоанна Златоуста:

¹⁴ См. репродукцию: *Beguerie P. Der Isenheimer Altar*. S. 16.

¹⁵ *Вопль крови...* С. 49.

¹⁶ *Тропарь на Праздник Воскресения Господня*.

¹⁷ *Вопль крови...* С. 49.

¹⁸ *Соловьев В. С. Духовные основы жизни*. СПб., 1995. С. 139-140.

¹⁹ *Кравец С. И. О красоте духовной*. С. 54-57.

«...человек – великое и дивное живое существо и для Бога драгоценнейшее всей твари, ради которого и небо, и земля, и море, и вся прочая совокупность творения»²⁰. Во-вторых, утверждение таинственного подобия между устройством церкви и строением человеческого естества (центральная часть храма – тело, алтарь – душа), отмеченное одним из первых св. Максимом Исповедником²¹ и в конечном счете ведущее к признанию тождества микрокосма и макрокосма (но так далеко в своих проповедях Флоренский не идет, хотя позже посвятит этой теме особую работу). Сообразуясь с духом восточных Отцов церкви, Флоренский возвышенно рассматривает природу и положение человека; но отсюда же вытекает и строгое сознание ответственности перед Богом: «Если великий грех – украсть икону, то есть образ Божий, на дереве написанный, из этого каменного храма, то сколь больший грех – похитить образ Божий из живого храма, из сердца человеческого»²². Кто читал Отцов золотого века патристики, в особенности Златоуста, для того становится ясной не только смысловая, но и стилистическая близость Флоренского к образцам христианской проповеди и риторики, заложенным в их творениях.

Встречается в проповеди и знаменитый платоновский образ возникшего-разума, который управляет телом и страстями и советуется с совестью – гласом Господним²³. Практически все церковные мыслители говорили о необходимости разумного руководства страстями и поведением человека; тот же платоновский образ встречается, к примеру, у Златоуста²⁴. Флоренский, однако, не хочет замыкаться в недрах человеческой души. Он дает широкую панораму созданного Богом во всем великолепии космоса. Вникнем в эти изумительно проникновенно и риторически филигранно звучащие строки – эмоциональный обертон гомилии: «Что же для Владыки наш храм? Разве красота лазурных небес и великолепие золотых нив не превосходит красоты и богатства нами сделанных украшений? Разве благоухание цветов не успешно соперничает с нашими фиалидами, а свет звезд, луны и солнца – с нашими лампадами и свечами? И, сравнив дело Божие с делом человеческим, мы невольно умирим нашу гордость. Но подумайте о другом храме, о Богозданном человеке»²⁵. Здесь оправдывается как душа, так и тело – **целостный** человек – в соответствии со словами святителя Григория

²⁰ Слово на освящение храма... С. 55.

²¹ Иоанн Златоуст. Избранные творения. Беседы на книгу Бытия. М., 1993. Т. 2. С. 735.

²² См.: Мистагогия // Творения преподобного Максима Исповедника. М., 1993. Т. 1. С. 160.

²³ Слово на освящение... С. 55. О центральной роли сердца в христианском вероучении см.: Юркевич П. Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению Слова Божия // Его же. Философские произведения. М., 1990. С. 69-103; Зеньковский В. В. Основы христианской философии. М., 1996. С. 35, 37, 291; Кривошеин В., архиеп. Богословские труды. Нижний Новгород, 1996. С. 124; и др.

²⁴ Слово на освящение... С. 56. Ср.: Платон. Федр 246a – с// Сочинения. М., 1994. Т. 2. С. 155.

²⁵ Иоанн Златоуст. Беседы на книгу Бытия. М., 1993. Т. 1. С. 205.

Паламы: «Итак, тому, чье тело стало при помощи Духа храмом Божиим и Дух Божий обитает в нем, необходимо быть чистым (kathareuein) или, по меньшей мере, очиститься (kathairesthai) – и таким образом постоянно пребывать незамутненным, одолевая вселяющиеся [в нас] сладострастные помыслы...»²⁶. Тогда откроется «святое нутро души человеческой», истинное «я» человека²⁷. Таким образом, проповедь Флоренского согласуется с основными заветами святоотеческой аскетики.

Из других проповедей обращает на себя внимание «Слово перед панихидой об усопших воинах». В отличие от предыдущего, которое точно не датировано, но предположительно (по тематике и стилю) может быть отнесено к 1906 – 1908 гг., это слово имеет точную датировку – 25 ноября 1916 г. Произнесено оно было в Сергиевом Посаде²⁸. Тихое умиротворение, разлитое в этой проповеди, переплетается с упованием на грядущее воскресение. Смерть побеждена, возвещает Флоренский, смерть сломила свое жало, и «...придет время, когда она будет сломлена окончательно. При благовествовании Архангельской трубы проснутся усопшие и встанут из своих гробов. Слыша звон церковный, мы должны вспоминать о часе грядущего воскресения»²⁹. Поистине (не говоря здесь о сходстве с русской религиозной традицией активного понимания христианства, идущей от философии Федорова, отметим лишь главный мотив), первое воскресение – Христово – обновив естество, явилось залогом чаемого грядущего воскресения, как выразил эту мысль великий фессалоникский епископ: «Воскресение Господне – обновление человеческой природы и первого Адама, через грех поглощенного смертью, а через смерть вновь возвратившегося в землю, из которой был создан, оживление и преобразование, и к жизни бессмертной возведение»³⁰. В промежутке же между начальной и конечной вехами мировой истории войны, сражавшиеся за Мать-Родину, уходят на покой к другой матери – Земле³¹. Это представление, имеющее древнейшие мифопоэтические истоки³², встречается и у Иоанна Златоуста. Представления Златоуста о земле разносторонни: «она есть наша и кормилица, и мать, от нее мы и произошли, и питаемся, она

²⁶ Слово на освящение... С. 56. Ср. о «херувимской сердцевине нашей души» в «Слове о «Херувимской песне»»: Фудель С. И. Об о. Павле Флоренском. С. 50.

²⁷ Gregorii Palamae Homilia VII// PG. 151. 76B.

²⁸ Фудель С. И. Об о. Павле Флоренском. С. 50.

²⁹ Кравец С. Л. О красоте духовной... С. 60-61, 64. Датировка самого Флоренского.

³⁰ Слово перед панихидой об усопших воинах. С. 60.

³¹ Gregorii Palamae Homilia XVIII// Patrologiae cursus completus. Series graeca. V.151. 236D – 237A.

³² Слово перед панихидой... С. 61.

для нас и отчизна, и общий гроб...»³³. Но этот гроб, подобно гробу Господню, становится для Флоренского колыбелью воскресения. Этой нотой он и оканчивает проповедь. Страдание голосом проповедника – «врачевателя душ»³⁴ – преломляется в провиденциальном смысле, обращаясь в высшую духовную радость.

Но именно тот, кто претерпел всё, – тот и спасется. Таков вывод из «Слова на погребение Г. Х. Поп-Харалампиева», сказанного в храме Московской Духовной Академии 6 ноября 1908 г. Вопросы о сущности христианства для Флоренского «*жизненное* самой жизни»³⁵ (курсив автора), и поэтому не только восхищение величием Творца и утешающее страсти смирение и раздумие о Боге, но и сильная *воля*, готовая при последней нужде прийти на помощь другу, и мужество должны быть развиты в том, кто считает себя настоящим христианином. Познание смыкается с жизнью, и в этом – исток подлинного благочестия.

И тогда, в минуту высших духовных и гражданских потрясений, когда может показаться, что уже всякая надежда утрачена, эта любовь обнимет собою всё, смыкаясь с любовью Господней, – и: «Одухотворенные встретятся близкие и любящие; обнимутся после многолетней разлуки, и не смогут наглядеться в глаза друг другу, пожимая руки с детской улыбкой, молча. Будут в общении с Христом Господом, Которого «не видел любят» – светлой радостью Которого радуемся мы в предчувствии. И не будет уже ничего нечистого в тот великий праздник Восстания милых, в Великую Пасху. Ей, Господи, гряди! Аминь!»³⁶.

Таковы мысли, чувства и интуиции, выраженные в жанре гомилики одним из величайших людей нашего времени – Павлом Александровичем Флоренским. Будучи гением научной и церковной мысли, он сознательно противопоставлял свое творчество всем видам болезненного эзотеризма и магизма (не имею в виду некоторые отдельные его высказывания 1920-х гг.). Подобного рода мистической замкнутости Флоренский противопоставляет выход к живым родникам Духа, обретаемого в церкви – в ее Предании, обрядах, ритуале и благодатно освященной полноте ее жизни. И если о. Флоровский призывал вернуться к святоотеческому наследию сегодня, то Флоренский – человек, одним из первых осуществивший этот

³³ Достаточно напомнить русские народные сказки. См.: Топоров В. Н. Об одной группе сербско-хорватских заговоров (еще раз об идее возвратности) // Его же. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1. С. 90-103.

³⁴ Иоанн Златоуст. Беседы на книгу Бытия. Т. 1. С. 12.

³⁵ Выражение Дж. Квастена. См.: *Quasten J. Initiation aux Peres de l'Eglise*. P., 1962. V. 3. P. 607 (о Златоусте).

³⁶ Слово на погребение Георгия Харалампиевича Поп-Харалампиева // *Кравец С. Л.* О красоте духовной. С. 58.

призыв (за четверть века до его провозглашения). В своих, казалось бы, целиком и полностью личных произведениях он раскрывает точку зрения Церкви; с другой стороны, в канонизованном, в проповеди – обнажает перед слушателем и читателем самые сокровенные тайники своей души. Ведь *проповедь* – один из наиболее канонизированных – и в то же время *личностно* окрашенных жанров: в ее тонкую и разветвленную ткань проповедник волен вплетать уникальные, свойственные ему одному образы и обороты речи; выразить (пусть и в прикровенном виде) глубоко волнующие его чувства. В частности, активный апокалиптизм Флоренского и его вера в творческую силу благодатно преображенной личности несут в себе тот заряд *христианского гуманизма* и доброты, которые порядком уже порастратила современная эпоха.

Но не все готовы так воспринять о. Павла. Бытуют представления о его подверженности оккультизму, ложному гностицизму и т.п.³⁷ Что можно сказать по этому поводу, отталкиваясь от гомилетики? Если возможно обнаружить некоторую склонность к мирскому гнозису на материале других сочинений мыслителя (в основном, позднего периода), то именно гомилии вскрывают изначально христианскую тональность мысли и слова Флоренского. Сплавляя в своем творчестве два мировоззрения – религиозное и научное, или – церковное и внецерковное, о. Павел всегда признает абсолютный приоритет первого из них как единственно соответствующего органической полноте и цельности жизни. Именно поэтому он смог стать одним из прямых наследников св. Иоанна Златоуста (чьи труды он особенно активно изучал и чье воздействие на него было наиболее сильным) и одним из первых среди русских проповедников 20 в. довести до относительно широких слоев народа духовное богатство и подлинный колорит творений знаменитых Отцов Церкви. Сохранились свидетельства о том, что проповеди о. Павла обладали столь огромной силой воздействия, что воспроизводились слышавшими их почти дословно спустя десятилетия³⁸. Думается, что именно в этой приверженности патристическим образцам, сочетавшейся с обаянием духоносной личности, – причина того, что проповеди Флоренского зажигали и зажигают сердца.

³⁷ Начальник жизни// *Фудель С. И.* Об о. Павле Флоренском. С. 130.

³⁸ См. очень спорную статью: *Бонеецкая Н. К.* Русская софиология и антропософия // *Вопросы философии.* 1995. №7. С. 90: Флоренскому и Булгакову отказано в праве быть православными мыслителями «святоотеческого толка» (?), но лишь носителями «нового религиозного сознания». Более справедливой представляется оценка В. В. Бычкова, считающего Флоренского, как некогда Юрий Самарин – Хомякова, одним из отцов церкви (*Бычков В. В.* Умозрения Павла Флоренского – венец православной эстетики... С. 381: Флоренский – «крупнейший и последний отец православной церкви»). Ведь Флоренский – в первую очередь мыслитель церковный, согласующийся с предыдущими звеньями святоотеческой традиции